

г. Москва

ТРАГЕДИЮ МОЖНО ПОБЕДИТЬ!

Здесь всего два цвета — черный и белый. С самого начала, с первой минуты действия театр, драматический театр имени Станиславского, предупреждает: тема спектакля — низкая яви смерть, свет или тьма, озияние или разрушение, чуждость передлом или активное ему сопротивление.

Героя зовут Адам, как библейского первого человека. Быть и Ева, и рай сначала, и мучение потом, и изгнание из рая.

Но история эта современна. Спектакль так и называется — «Современная трагедия». Адам — талантливый ученый-физик. Безработный. Где-то в войлочном джентом и тинлими ананасами портах притерлось ему второе солнце — искусственное, ядерное.

Но кому нужно солнце — теплого, человеческого, от которого распускаются цветы и прорываются цветы, кому нужно это солнце в разрушающемся мире, сытак? Солнце нужно — нужно оружие. На сцене появляется некий господин Силон, представитель Гамма-концерта. Он предлагает большие деньги, целый остров, своего рода рай-модерн для Адама и его возлюбленной Евы.

Они соглашаются в этот рай. Адам робко требует условий для работы над мирным использованием его солнца. Но Адама не слушают — полным ходом идут испытания невиданного оружия массового уничтожения.

А Ева ждет ребенка. А Ева хочет жить. А вокруг Евы смерть, зона, отвратительная испытанная. И тогда, чтобы спасти Адама от самого себя, Ева бросается в воды океана, заплывающая, продавленным солнцем, и гибнет. Вот и все. Таков современный вариант библейской легенды об Адаме и Еве.

Художник спектакля — Э. Стенберг. На сцене все время черно-белые кулисы. Все время резкие линии и густые, туго налитые цвета: красный, синий, желтый, зеленый. Какая-то фантастическая цветовая Вдохновленность, пропетая кистью художника песня о человеческой жизни и человеческой смерти.

Вот автор возмещает появление Евы. Только что рожденная его фантазией, она идет отсюда, где пахнет медом и травой, где спокойны люди и облака, где слышны только разрывы весенних гроз. Она идет, она приближается, она сейчас придет, сейчас...

Цветы ожиданий, цветы надежды, цвета любви, цвета счастья — приоткрытый голубой, ласково-розовый, пронзительно синий, напоенно-желтый, ликующе-алый. Сцена попеременно погружается в этот волшебный спектр красок — и они все, сливаясь вместе, рождают непорочную белизну Евы — она появляется в легком белом одеянии с тугими белыми цветами лилий в руках.

А потом на сцене мифический Остров — рай, безмятежное царство природы, радостное царство красок — синие моря, желтые апельсины, зеленые пальмы, красное солнце, фиолетовые закаты, черные ночи, белые цветы. И вдруг! Вдруг все это гаснет. Гаснет жизнь. И всю сцену ледяным своим сапогом окутывает смерть. Призраки убитых, призраки Хиросимы, люди без плоти и крови, люди, сожженные из

одного возмездия, люди, брошенные в ночной мгла — в снах человеческих, в лабиринтах совести человеческой, разума человеческого.

А после этого сразу отчаянный крик протеста, самозабвение Евы, и опять на сцене два цвета: черный и белый. Черный цвет траурно-порывал слезу Евы. Белый — цвет, как тогда, но уже трагически. Белое одеяние умирающей Евы. И тревожно всхлиывающий зеленый глазок сейфа, где хранятся чертени Адама, и красный огонь лампы, пожирающий их. Адам уничтожает свои чертени.

Музыка спектакля (композитор А. Шнитке) — тоже полубесовский его компонент. И она четко контрастна, броска, ярка: лирические мелодии ожидания Евы, экзотические всплески туземных лассов, тревожное тремоло оркестра, сопоставляющие призраки Хиросимы. И особенно музыка «солнца», его лейтмотив, диссонансная пульсация звуков, напоминающая сигнальную лампочку на пульте управления или сжимающееся ожиданием сердце.

Все это вместе — оригинальная завлека драматурга Ревала Эбралидзе, оформление Э. Стенберга, музыка А. Шнитке — буквально выстроено в зрительный зал.

Но вот идет второй акт, третий. И на сцене появляются, что драматург, а вслед за ним и театр — далеко не последовательны в осуществлении своих замыслов и прежде всего попытки философского обобщенного видения современности. Что-то произошло — то ли не хватило горячего, то ли маршрут был неясен.

Во-первых, что случилось с Автором? Был такой персонаж в первом акте — Автор (артист А. Глазырин). Вполне современный, обаятельный, интеллигентный человек в хорошем костюме и розетке, очках. Ходил по сцене, на ходу придумывал ситуации и героев, советовался с ними же — какое бы им дать имя, иногда даже мепал героям, особенно влюбленным Адаму и Еве, а после конца каждого акта ударял в гонг. Но главное — Автор прямо и тенденциозно обращался со сценой и зрителем — и это было вполне в духе пьесы.

И вот едва мы успели привыкнуть к этому герою, как Эбралидзе уже убрал его со сцены. Спешко превратил Автора в Доктора и получил просто еще один, очень обычный, разноречивый персонаж.

В спектакле много рассуждений о проблемах войны и мира, но рассуждения эти распылчатые, туманные, а многие мысли слишком общезвестны. А ведь обобщенно философская постановка проблемы не исключает автора от необходимости чувствовать себя человеком 1961 года, давать сегодняшнюю, конкретно историческую оценку событий. Поэтому философские пьесы порой приобретают оттенок ложной многозначительности, обозначаются претензией на философию.

И в результате увлекает прежде всего семейная драма Адама и Евы, которая

должна была бы быть иллюстрацией именно к мысли спектакля, к его образно-философскому стержню, а сержень явно расшатался. Осталось в общем-то знакомое по многим пьесам на зарубежную тему история метания талантливого, но слабохарактерного ученого, вынужденного продавать свои изобретения, история постепенного прожорения его жены, защищающей жизнь своих будущих детей.

Но здесь, в этом спектакле, их тем более не должно было быть. Таких обобщенных людей с обобщенными заботами — о муже или о жене, о доме, о детях, о еде.

Молодая актриса Г. Рыжкова неплохо играет авлацию своей героини от парижано-избалованной особы к протестующей женщине. Е. Уриканский, как всегда, темпераментен, дает острый, нервный рисунок роли. И все же — это обычные люди, а не та Адам и Ева, которые призваны были прежде всего решить какую-то очень важную философскую мысль спектакля.

Драматург, а вслед за ним и театр остановились где-то на полпути между философским обобщением и скрупулезным бытовым правдоподобием. Если на сцене действуют такие в общем-то вполне реальные Адам, Ева, профессор Моор, господин Силон, то зачем здесь же «бронзовые девушки» и призраки Хиросимы? И поэтому лишний и всего лишь претензия.

озкой выглядит история любви экзотического островитянина Тахи и Еве, терзания их невесты Моли.

В спектакле есть сюжетная кульминация, но нет кульминации протестующей мысли. Протест против войны, против оружия массового уничтожения, оп по многим стихиям, гасло даже физиологичен, потому что выражен прежде всего почти инстинктивным порывом Евы. Социальный же протест профессора Моора против сил, развязывающих войну, — это протест, несмотря на сильное исполнение Яншиным роли профессора, заглушается самоубийством Евы. И что это за силы? Они в спектакле стихийны, а значит непреодолимы, как землетрясение, как тайфун. Это силы зла вообще. Отсюда, наверное, то, что протест против войны не имеет в спектакле точного адреса и потому граничит с пацифизмом. Отсюда и пессимизм финала.

А ведь трагедию можно победить!

Драматический театр имени Станиславского ищет свое место в гуще проблем современности, ищет его перво, напряженно — свое место. «Современная трагедия» — тоже поиск. Во многом не удавшийся. Но ведь поиск — это не всегда дважды два. Ведь мы каждый раз снова решаем эту несложную арифметическую задачу...

В. ИВАНОВА.